

ИЕРОМОНАХ ТИХОН (ЗОРИН)

ШКАРОВСКИЙ М.В.

д.и.н., вед. н. с. Центрального государственного
исторического архива Санкт-Петербурга

Статья посвящена жизни и церковному служению одного из самых активных «иосифлянских» деятелей иеромонаха Тихона (Зорина). В середине 1920-х гг. он сослужил архиепископу Иосифу (Петровых) в Софийском соборе Новгорода, затем был насельником Александро-Невской лавры. Незадолго до закрытия Лавры отец Тихон был арестован и осужден, в дальнейшем после отбытия срока служил тайно на Северо-Западе России, устроив в конце 1930-х гг. тайную домовую церковь в пригороде Ленинграда. В период немецкой оккупации Ленинградской области иеромонах Тихон вышел из подполья и открыл несколько «иосифлянских церквей» в Волосовском районе. В 1943 г. он был угнан в Латвию, затем вернулся в Ленинград, где вновь служил тайно до своего ареста в 1950 году. Выйдя на свободу в середине 1950-х гг., отец Тихон еще около 20 лет продолжал свое катакомбное служение, проживая вплоть до кончины в пос. Окуловка Новгородской области. Иеромонах Тихон был одним из последних «иосифлянских» священнослужителей России, и память о нем до сих пор живет в сердцах его духовных детей.

Одним из последних «иосифлянских» пастырей, служившим тайно до конца 1970-х гг., был иеромонах Тихон (в миру Василий Никандрович Зорин). Он родился 28 января 1893 г. в с. Пупково Вогнемской волости Кирилловского уезда Новгородской губернии в крестьянской семье, окончил двухклассное училище в г. Кириллове и в 1911 г. поступил послушником в Кирилло-Белозерский монастырь. В 1914 г. В.Н. Зорин перешел в Успенский Тихвинский монастырь, где в 1920 г. был пострижен в монашество с именем Тихон и рукоположен в иеродиакона. В 1922 г. о. Тихон в г. Тихвине привлекался к суду по обвинению в участии в антисоветском выступлении, но был оправдан. С 1924 г., после закрытия Тихвинского монастыря, он проживал в родной деревне, где занимался сельским хозяйством.

С 1925-го г. по январь 1928 г. о. Тихон служил диаконом в кафедральном Софийском соборе Новгорода. Там он познакомился с Вла-

дыкой Иосифом (Петровых), который тогда управлял Новгородской епархией и часто служил в соборе. С началом «иосифлянского» движения иеродиакон Тихон вместе с духовником митрополита Иосифа настоятелем Софийского собора протоиереем Александром Советовым отделился от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия. В январе 1928 г. о. Тихон послал митрополиту Иосифу телеграмму с просьбой направить его в «иосифлянский» приход. Согласно распоряжению Владыки, вскоре иеродиакон был принят в состав причта ленинградской Троицкой церкви в Лесном – помощником к назначенному настоятелем этого храма протоиерею Александру Советову.

В 1928 г. о. Тихон был рукоположен во иеромонаха епископом Гдовским Димитрием (Любимовым). Следует отметить, что в конце 1929-го – начале 1930 гг. батюшка ездил к митрополиту Иосифу (Петровых), отбывавшему в это время ссылку в Никольском Моденском монастыре Череповецкого округа. Сам Владыка на допросе осенью 1930 г. об этой поездке говорил так: «Иеромонах Тихон и с ним мирянин (имени и отчества и фамилии не помню) привозили продуктов. Беседовали о Лавре и других вещах, не имеющих делового характера. При отъезде подверглись обыску, не давшему никаких результатов»¹.

В конце 1929 – августе 1930 гг. о. Тихон состоял в числе братии Александро-Невской лавры и жил в одной келье с архимандритом Алексием (Терешихиным). В это время батюшка уже тайно постригал в монахи. 22 августа 1930 г. он был арестован вместе с архимандритом Алексием по обвинению в антисоветской агитации и «незаконном» хранении серебряной монеты. На допросах о. Тихон вел себя мужественно и обвинения следственных органов отрицал, в частности, он заявил: «В монашество я пошел с 1920 года... Деньги, обнаруженные у меня мелким серебром на сумму 48 р[ублей] 60 коп[еек], скопились у меня в течение августа месяца... Принадлежу я к иосифлянскому течению по своему внутреннему убеждению»².

11 декабря 1930 г. иеромонах Тихон был приговорен Тройкой Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе к трем годам лагерей. Срок заключения он отбывал в Коми АССР. После освобождения в 1933 г. о. Тихон прибыл в Ленинград к своей сестре Евдокии Никандровне Городничной, но органы милиции приказали ему в течение суток выехать из города, и иеромонах

¹ «Я иду только за Христом...». Митрополит Иосиф (Петровых), 1930 год / Публ. А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 9. М., 2002. С. 413.

² АУФСБ СПб ЛО. Д. П-77246. Л. 76–84.

выбрал для поселения Новгород, где в то время проживало много отбывших лагерный срок ленинградских «иосифлян»³.

При этом о. Тихон часто нелегально приезжал в «северную столицу», где сначала служил в единственной оставшейся открытой «иосифлянской» церкви Пресвятой Троицы в Лесном, а затем – в 1937 г. создал тайную общину в северном дачном пригороде Ленинграда Коломягах. Он же освятил небольшую тайную церковь, устроенную на чердаке одноэтажного деревянного дома столяра Анатолия Федоровича Чистякова по адресу: Парголово, пер., 20. Община насчитывала несколько десятков человек (более 30) и состояла в основном из бывших прихожан Троицкой церкви в Лесном, хорошо знакомых о. Тихону по службе в этом храме. Троицкая церковь оставалась «иосифлянской» до 1943 г., но с 1937 г. она находилась под строгим контролем НКВД. Не вызывал доверия и симпатии у многих верующих и ее новый настоятель иеромонах Павел (Лигор), поэтому часть прихожан стала посещать тайный храм в Коломягах.

В период «большого террора» начались аресты всех проживавших в Новгороде «иосифлян», и о. Тихон, опасаясь репрессий со стороны органов советской власти, примерно с 1938 г. перешел на нелегальное положение и стал проживать в г. Ленинграде и пригородах, в основном у своей духовной дочери (с 1928 г. Анастасии Васильевны Карасевой). Иеромонах окормлял «иосифлян» не только в Коломягах, но и на станциях Володарская, Пелла – к югу от Ленинграда, а также в центре города. Так, в конце 1930-х годов он устраивал молитвенные собрания на квартире у М.В. Чихачевой по адресу: Лиговский пр., 19. Летом 1941 г., вскоре после начала Великой Отечественной войны, о. Тихон нелегально поселился у своей духовной дочери Феодосии Тимофеевны Рудневой, проживавшей на станции Володарская. В ее доме также проводились тайные богослужения и собрания местных «иосифлян»⁴.

В августе 1941 г. германские войска захватили Володарскую, и о. Тихон оказался на оккупированной территории, потеряв связь со своей общиной. В конце года он совместно с верующими жителями пристанционного поселка обратился к немецкому коменданту с просьбой разрешить открыть местную церковь преподобномученика Андрея Критского. Это был ранее «иосифлянский» храм, закрытый в феврале 1932 г., и его уцелевшие прихожане хотели возродить свою церковь. В ходе беседы с комендантом иеромонах рассказал о том, что

³ АУФСБ СПб ЛО. Д. П-89684. Т. 1. Л. 3–5, 17.

⁴ См.: Антонов В.В. Тайный храм в Коломягах // Возвращение. 1997. № 2 (10). С. 35–36.

подвергался репрессиям, но смог получить разрешение лишь на открытие привокзальной часовни. В ней в январе 1942 г. о. Тихон устроил церковь св. Андрея Критского.

Однако храм действовал недолго. Володарская находилась почти на линии фронта, и 23 марта 1942 г. немцы в принудительном порядке вывезли всех жителей из поселка. Ф.Т. Руднева была к тому времени убита, и о. Тихон в конце марта приехал со своей духовной дочерью Екатериной Степановной Шавровой (бывшей певчей ленинградской «иосифлянкой» церкви Пресвятой Троицы в Лесном и церкви св. Андрея Критского на Володарской) в деревню Ожогово Волосовского района. Иеромонах и Е.С. Шаврова поселились у сестер Марии и Евдокии Харламовых и прожили у них более полутора лет – до конца октября 1943 года. Из Володарской в Ожогово приехала еще одна «иосифлянка» – К. И. Филиппова⁵.

Ближайшая церковь св. Ирины в с. Волгово, закрытая в 1939 г., была занята германскими войсками под конюшню, и о. Тихон, организовав в Ожогово «иосифлянскую» общину, устроил церковь в здании местной школы. Иеромонах получил официальное разрешение проводить богослужения после того, как объяснил немецкому коменданту в пос. Волосово, что является «иосифлянским» священником, был репрессирован и враждебно настроен к советской власти. В июне 1942 г. о. Тихон открыл церковь святых Апостолов Петра и Павла в деревне Клопицы Волосовского района, вскоре он устроил храм и в одном из пустовавших домов деревни Дятлицы Ломоносовского района. По некоторым сведениям, иеромонах короткий период времени также служил в Ириновской церкви села Волгово. В созданный им церковный хор вошли Е.С. Шаврова, К.И. Филиппова, бывшие ленинградки А.Ф. Третинская, монахиня Мария (Порк) и ряд жителей Ожогово.

В октябре 1942 г. о. Тихону по требованию немцев пришлось присутствовать на районной конференции священников и учителей в Волосово, которая приняла решение начать преподавание в школе Закона Божия. На конференции иеромонах встретил Волосовского благочинного Нарвской епархии священника Димитрия Горемыкина, но отказался признать его. Отец Тихон заявил благочинному, что не находится с ним в молитвенном общении, так как тот признает в качестве руководителя экзарха Прибалтики митрополита Сергия (Воскресенского), а он – митрополита Иосифа (Петровых) и по линии духовной никому сейчас не подчиняется. В то же время иеромонах, согласно его показаниям на допросе в 1951 г., сказал о. Д. Горе-

⁵ АУФСБ СПб ЛО. П-89684. Т. 1. Л. 12. Т. 2. Л. 70.

мыкину: «Давайте не будем врагами, я ваши распоряжения выполнять не стану, но если они будут переданы через немецкие власти – выполняю»⁶.

С осени 1942-го по сентябрь 1943 г. о. Тихон преподавал Закон Божий в начальных школах деревень Клопицы и Ранковицы. В ходе следствия 1951 г. он объяснил это так: «Немцы выявили всех священников и заставили их преподавать Закон Божий. Я не по своей воле преподавал Закон Божий». Уроки иеромонах проводил один раз в неделю. На допросах о. Тихон категорически отрицал предательство в пользу фашистов и какое-либо выполнение их указаний или заданий. Он заявил, что за немцев не молился, но и не ругал их, так как в этом случае они бы его уничтожили. Впрочем, иеромонах признал, что в проповедях призывал повиноваться германской администрации и отказывался молиться по просьбам родственников за тех, кто служил в Советской армии. Согласно же показаниям свидетелей, о. Тихон в августе 1943 г. отслужил благодарственный молебен в день второй годовщины занятия германскими войсками Волосовского района, на котором присутствовало лишь несколько стариков. В проповедях же иеромонах всегда упоминал митрополитов Петра (Полянского) и Иосифа (Петровых) и «восхвалял монархический строй»⁷.

В конце октября 1943 г. немцы провели акцию по вывозу жителей Ожогоино и соседних деревень на территорию Латвии. Отец Тихон поселился вместе с пятью своими духовными дочерьми – Е.С. Шавровой, Е.А. Харламовой, М.А. Харламовой, А.Ф. Филипповой и Н.А. Алексеевой на хуторе Страутнеки Ветцаульской волости Баутского уезда, где они проживали до августа 1944 года. Иеромонах выполнял мелкие домашние работы по хозяйству и проводил богослужения в устроенной домово́й церкви. Их посещали также эвакуированные из Ожогоино на территорию Баутского уезда А.Ф. Третинская, К.И. Филиппова, монахиня Мария (Порк) и бывшая уборщица Клопицкой церкви Вера Михайлова. В начале февраля 1944 г. о. Тихон ездил в Ригу к епископу Рижскому Иоанну (Гарклавсу), думая, что тот принадлежит к «иосифлянскому» направлению, но Владыка сказал о своей принадлежности к Московской Патриархии, и иеромонах решил в связь с ним не вступать и больше не встречаться⁸.

В августе 1944 г. немцы принудительно угнали о. Тихона и Е. Шаврову на строительство оборонительных сооружений в районе Ветцаульской станции, но им вскоре удалось освободиться. После прихода

⁶ АУФСБ СПб ЛО. П-89684. Т. 1. Л. 12. Т. 2. Л. 96.

⁷ Там же. Т. 1. Л. 6, 27, 219–220.

⁸ Там же. Л. 26, 35; Т. 2. Л. 22.

в сентябре 1944 г. советских войск иеромонах и его духовные дочери проживали до апреля 1948 г. на хуторе Ситти Ислицкой волости Батуского уезда. Здесь они трудились на сельскохозяйственных работах и посещали тайные богослужения. К о. Тихону приезжали «иосифляне» и из других районов страны, особенно часто из Риги знавшая батюшку с 1929 г. по Александро-Невской Лавре бывшая послушница Петроградского Иоанновского монастыря Елена Васильевна Домнышева, а также монахиня Иоанна (Чаенкова) и К.П. Савельева из Ленинграда. В Латвии батюшка тайно постриг в монахини двух своих духовных дочерей. 30 апреля 1948 г. он по настоятельным просьбам верующих «иосифлян» переехал в Ленинград, где тайно служил до своего ареста 24 января 1951 года⁹.

Почти три года прожил нелегально о. Тихон в городе на Неве, в основном в квартире сестер Ксении Петровны и Марии Петровны Савельевых по адресу: Перовская ул., д. 4/2, кв. 32, где была устроена домовая церковь и проводились тайные богослужения с участием 20—40 человек. Сестры Савельевы родились в семье служащего придворного оркестра. Ксения – в 1890 г. в Петербурге, а Мария – в 1893 г. в Петрозаводске. Они получили начальное образование, замуж не вышли и работали нянями, домработницами и т. п. Старшая сестра была активной «иосифлянкой» еще с декабря 1927 г., а младшая – с 1936 года. По данным МГБ, Ксения «вовлекла в организацию семь новых участников организации», еще до начала Великой Отечественной войны бывала на тайных службах о. Тихона на станции Володарская, а в 1948-м и 1950 гг. ездила по его заданию в Москву. На богослужениях в квартире Савельевых несколько раз присутствовала еще одна их сестра Александра Петровна и племянник Сергей Николаевич Савельев. В эти дни соблюдалась конспирация – окна занавешивали темными шторами и в квартиру приходили и уходили по одному. За богослужением о. Тихон по-прежнему поминал митрополитов Петра и Иосифа. После службы устраивались чаепития, где батюшка говорил о царе, истинном православии, осуждал деятельность покойного митрополита (с 1943 г. – Патриарха) Сергия, высказывались и эсхатологические суждения.

Вторая тайная домовая церковь была устроена на квартире монахини Магдалины (Марии Гавриловны Петровой). Она родилась в 1904 г. в деревне Ратчино Ямбургского уезда Петербургской губернии в крестьянской семье, окончила семь классов школы и в 1922–1926 гг. была насельницей Кикеринского монастыря до закрытия обители. В 1929 г. монахиня Магдалина стала прихожанкой главного «иосиф-

⁹ АУФСБ СПб ЛО. П-89684. Т. 1. Л. 5, 27–28, 220, 349. Т. 2. Л. 77.

лянского» храма «северной столицы» – собора Воскресения Христова, но в 1931 г. была арестована и приговорена к трем годам исправительно-трудовых лагерей по делу «Истинно-православной церкви». После освобождения в 1933 г. монахиня некоторое время проживала в родной деревне Ратчино, затем – в г. Горьком, а с 1938 г. – в Ленинграде. После войны она работала на автозаправочной станции № 6 Автотехснаба, но в советских мероприятиях фактически не участвовала, опуская на выборах в избирательную урну белый лист. При аресте монахини Магдалины 25 января 1951 г. у нее была найдена книга Сергея Нилуса и принадлежавшие о. Тихону три антиминос, священническое облачение и церковная утварь.

Еще две домовые церкви существовали на квартирах духовных детей батюшки – Александры Еремеевны Климочкиной (по адресу: ул. Марата 84–21) и Марии Ивановны Титовой. Кроме сестер Савельевых иеромонах Тихон в 1948–1951 гг. жил у монахини Магдалины, Климочкиной а также у Анны Петровны Мяндиной и инокини Екатерины Николаевны Розановой. Сестра Екатерина родилась в 1901 г. в г. Царицыне в семье потомственного почетного гражданина, окончившего Духовную академию врача, сама она обучалась в гимназии, с 1918 г. работала медсестрой и в 1931 г. окончила в Ленинграде Первый медицинский институт. С декабря 1927 г. она участвовала в «иосифлянском» движении и, проживая с 1933 г. в Новгороде, по предложению игумении Серафимы (Голубевой) в 1935 г. была пострижена в рясофор в пригородной деревне Извоз. В 1938 г. инокиня Екатерина познакомилась с о. Тихоном на тайном собрании «иосифлян» в квартире М.В. Чихачевой (Лиговская ул., 19). В 1939–1941 гг. Е.Н. Розанова служила начальником отделения инфекционного госпиталя в советской армии, в блокаду лечила ленинградцев, была награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». После войны Екатерина Николаевна до 1948 г. жила в Латвии, а затем вернулась в город на Неве и работала заведующей отделением в детской больнице им. Филатова. По данным МГБ, она «вовлекла в организацию четыре новых члена, хранила церковные рукописи и антисоветскую литературу».

Наконец, еще одной деятельной помощницей иеромонаха Тихона была проживавшая у А.Е. Климочкиной монахиня Иоанна (в миру Меланья Ивановна Чаенкова). Она родилась в 1899 г. в деревне Фефелово Новоскольниковского уезда Псковской губернии в крестьянской семье, закончила сельскую школу, в 1916–1922 гг. была насельницей Воронцовского монастыря, затем в 1922–1924 гг. проживала на Воронцовском подворье в Петрограде. В 1930 г. монахиня Иоанна пере-

шла к «иосифлянам» и до 1935 г. была прихожанкой Свято-Троицкой церкви в Лесном, затем познакомилась с о. Тихоном и архимандритом Клавдием (Савинским) и стала посещать их богослужения; в 1937 г. ее сестра, также монахиня, была арестована и приговорена к трем годам лагерей. В 1922–1932 гг. матушка Иоанна работала в артели одеяльщицей, затем до 1941 г. – домработницей, в 1941–1944 гг. – санитаркой в больнице, а после войны зарабатывала на пропитание вязанием жакеток на дому. В июне 1946 г. монахиня восстановила связь с о. Тихоном, приехав к нему в Латвию исповедоваться и причащаться, а затем стала инициатором его переселения в Ленинград.

Всего иеромонах Тихон в 1948–1951 гг. окормлял более 80 человек – примерно 40 в «северной столице» и пригородах, 25 – в Ленинградской области, 14–15 человек в Новгородской области и отдельных верующих в других регионах страны. Помимо Ленинграда группы «иосифлян» имелись в пригородном поселке Коломяги (шесть человек, в том числе вдова расстрелянного в 1942 г. А.Ф. Чистякова Юлия Христофоровна), в поселке Ушаки (шесть человек, в том числе знавшая о. Тихона с 1928 г. по церкви Пресвятой Троицы в Лесном Е.С. Шаврова), в поселке имени Рошала (Мариенбурге) (пять человек, в том числе прислуживавшие в 1942–1943 гг. в Ожогинской церкви Н.А. Алексеева, Е.А. Харламова и М.А. Харламова), в поселке Стрельна (четыре–пять человек, в том числе бывшие прихожанки из Ожогино и Клопиц К.И. Филиппова, А.Ф. Третинская и Вера Михайлова), на станции Володарская (три–четыре человека), в селе Старая Ладога (один–два человека) и в деревне Викулово Ленинградской области (два человека).

В 1948 г. о. Тихон через жительницу поселка около станции Окуловка Пелагею Михайловну, знакомую К.П. Савельевой, неоднократно приезжавшую на тайные молитвенные собрания в Ленинград, познакомился с двумя небольшими «иосифлянскими» общинами в Новгородской области в поселках Окуловка и Парахино, в каждую из которых входило шесть–семь человек. При этом в Окуловке проживали монахини Мария (Тихонова), Мария (Порк), сестра хорошо известного о. Тихону «иосифлянского» священника Михаила Рождественского Ольга Васильевна Муравьева и отбывшая срок в лагере по делу о. Михаила (1942 г.) Нина Николаевна Крупенникова. В Парахино же жила одна из самых активных деятелей «иосифлянского» движения – бывшая экономка и секретарь архиепископа Димитрия (Любимова) схимонахиня Анастасия (в миру Александра Георгиевна Куликова). Она родилась в 1889 г. в Кронштадте, до 1924 г. была насельницей Кикеринского монастыря, а с 1925 г. помогала Владыке Дими-

трию. 29 ноября 1929 г. мать Анастасия была арестована вместе с архиепископом и 3 августа 1930 г. приговорена к пяти годам лагерей; в 1932 г. заключение в лагерь заменили на высылку, и с тех пор схимонахиня жила в Новгородской области. В дальнейшем арестам матушка не подвергалась и скончалась в 1960-е годы в Новгороде.

В 1948 г. о. Тихон по приглашению Пелагеи Михайловны впервые приехал в Окуловку, устроил и освятил там частную домовую церковь. В дальнейшем иеромонах несколько раз приезжал в Парахино и Окуловку, иногда жил там по две недели. В Парахино кроме схимонахини Анастасии его ближайшими помощниками были В.В. Роменская и М.А. Дмитриева¹⁰.

В конце 1940–1950-х годах о. Тихон считался руководителем «истинно-православных» в Ленинградской области и в этом качестве имел обширные связи с «иосифлянами» в разных концах страны, лишь небольшая часть которых, видимо, стала известна агентам госбезопасности. Так, в марте, октябре 1949-го и в декабре 1950 гг. к иеромонаху приезжали из Москвы четыре «иосифлянки»: Ф.Г. Уфимская и монахини Олимпиада, Вениамина (Логонова), Вероника (Ильина). Они останавливались в городе на Неве на квартире у монахини Магдалины (Петровой), и в их первый приезд на две недели о. Тихон постриг в мантию Е.В. Логонову и У.М. Ильину. В ноябре 1950 г. К.П. Савельева привезла из Москвы (от монахини Вениамины) первые две тетради рукописи «Чернец – из мира беглец», «высмеивавшей» священников Московской Патриархии, которые «продались советской власти». Вскоре из Москвы были присланы три следующие тетради этой рукописи, их читали на устраиваемых иеромонахом Тихоном молитвенных собраниях. В 1951 г. монахиня Вероника (Ильина) и Ф.Г. Уфимская были арестованы. Отца Тихона спрашивали на допросе о, видимо, скрывавшемся в Москве или Подмоскovie тайном епископе Иоанне, но иеромонах ответил, что не слышал о нем.

Впрочем, об этом архиерее есть смутное упоминание в других показаниях о. Тихона. В декабре 1950 г. к иеромонаху из г. Чкалова (Оренбурга) приехала его знакомая с 1928 г. по Троицкой церкви в Лесном Клавдия Яковлевна Соловьева (до войны она проживала в Ленинграде и бывала на тайных молитвенных собраниях у М.В. Чихачевой на Лиговском пр., 19). Соловьева рассказала, что в г. Чкалове имеется большая община «иосифлян» с двумя священниками (одного из них звали о. Димитрий), но живущий в г. Глазове тайный схиепископ Петр (Ладыгин) почему-то запретил их в священнослуже-

¹⁰ АУФСБ СПб ЛО. П-89684. Т. 2. Л. 21–24.

нии. Клавдия Яковлевна спрашивала у о. Тихона, как поступить, чтобы они продолжали служить.

Иеромонах посоветовал обратиться к схиепископу Петру, с которым Савельева уже ранее встречалась, но она не удовлетворилась этим ответом и через К.П. Савельеву отправила письмо к «высшему духовному чину в Москву» (вероятно, именно к епископу Иоанну)¹¹.

Неподалеку от г. Чкалова в г. Уральске существовала еще одна община «иосифлян». Из этого города в о. Тихону приезжали: бывшая певчая Ожогинской церкви А.Ф. Филиппова, хорошая знакомая К.П. Савельевой М.М. Макеева, у которой муж отбывал заключение под Ленинградом, и Ксения Николаевна. Посещали иеромонаха и несколько монахинь, знакомых ему с конца 1920-х гг. по Троицкой церкви или Александро-Невской лавре, осужденных в тот период и после освобождения проживавших в различных областях и республиках: монахиня Мария и монахиня Феврония из г. Льгова Курской области, монахиня Антонина из Кировской области, монахиня Елисея из Каргопольского района Архангельской области и инокиня Елена Домнышева из Риги. Приезжая в Ленинград, они жили у Савельевых или у монахини Магдалины (Петровой).

В сентябре 1949 г. к о. Тихону также приехал и исповедовался проживавший тогда в Ставропольском крае известный ленинградский литературовед профессор Игорь Евгеньевич Аничков (1891—1978). 21 февраля 1928 г. он был арестован по делу «Братства преподобного Серафима Саровского», отбыл три года в Соловецком лагере и еще несколько лет ссылки в Сыктывкаре и лишь в 1938 г. вышел на свободу. Те из духовных детей батюшки, кто не мог приехать и лично исповедоваться, присылали ему письменную исповедь, например, отбывавшая ссылку инокиня Мария.

Отец Тихон был арестован 24 января 1951 г. на Московском вокзале в тот момент, когда собирался уехать в Ушаки. Кроме него с 25 января по 16 мая 1951 г. агенты Министерства госбезопасности схватили монахинь Магдалину (Петрову), Иоанну (Чаенкову), инокиню Екатерину Розанову, К.П. Савельеву, М.П. Савельеву и А.П. Мяндину. Иеромонаха обвинили в том, что он, появившись в Ленинграде, «объединил участников ранее разгромленных МГБ антисоветских формирований Истинно-православной церкви», организовал ряд домовых церквей (на богослужениях в которых участвовало до 50 человек), восхвалял монархический строй, вел антисоветскую агитацию, даже якобы готовил вооруженное восстание в контрреволюционных целях, призывал уклоняться от выборов в органы государст-

¹¹ АУФСБ СПб ЛО. П-89684. Т. 2. Л. 52–54.

венной власти СССР, организовал материальную помощь «репрессированным за антисоветскую церковную деятельность» и т.п. Лишь некоторые из этих «преступных» по советским представлениям действий и, правда, имели место. Так отбывавшему заключение в лагере протоиерею Михаилу Рождественскому было собрано 400 рублей, и на эти деньги Н.Н. Крупенникова купила одежду (куртку, брюки, шапку и др.) и выслала их батюшке.

На допросах иеромонах Тихон значительную часть обвинений отвергал и старался, по возможности, скрыть свои «связи». Так, он не назвал никого из других служивших тайно «иосифлянских» священников. Более двух месяцев о. Тихон ничего не говорил о духовной дочери о. Михаила Рождественского Марии Васильевне Абрамовой, на квартире которой осенью 1948 г. познакомился с А.П. Мяндиной. Лишь когда Анна Петровна сообщила на допросе об этом, иеромонах признался, что у Абрамовой в 1949–1950 гг. состоялось пять молитвенных собраний с участием 6–8 человек, в основном из Стрельни.

После ряда допросов о. Тихон заявил: «Я признаю себя виновным в том, что с первых дней существования Соввласти я примкнул к контрреволюционному монархическому духовенству и вступил на путь антисоветской деятельности. С 1928 г. по день ареста, т.е. до 24 января 1951 г., я являлся одним из организаторов и руководителей антисоветской церковно-монархической организации, так называемая «Истинно-православная церковь», организовывал нелегальные собрания своих единомышленников, обрабатывал их в антисоветском духе и т. д.». Сотрудничество же с немецко-фашистскими захватчиками в годы войны иеромонах категорически отверг, и следствию доказать его не удалось¹².

24–26 октября 1951 г. Судебная коллегия по уголовным делам Ленинградского городского суда приговорила о. Тихона, монахиню Магдалину и К.П. Савельеву к 25 годам лишения свободы с поражением в правах на пять лет и конфискацией имущества, монахиню Иоанну, Е.Н. Розанову и М.П. Савельеву к 10 годам лишения свободы, а А.П. Мяндину – к восьми годам заключения, поражению в правах на три года, конфискации имущества и лишении медали «За оборону Ленинграда». Впрочем, 22 декабря тот же суд по протесту прокурора увеличил срок заключения Е.Н. Розановой до 25 лет. Определением Верховного суда РСФСР от 30 декабря 1951 г. прошения о помиловании были отклонены и приговор оставлен в силе.

Отец Тихон и другие осужденные по его делу отбывали наказание в Особом лагере МВД № 7 – в Щиткинском районе Иркутской обла-

¹² АУФСБ СПб ЛО. П-89684. Т. 2. Л. 16.

сти (ст. Новочупка и другие населенные пункты). Лишь с началом хрущевской «оттепели» они вышли на свободу. Постановлением Президиума Верховного суда РСФСР от 19 марта 1955 г. приговор батюшке и Е.Н. Розановой был снижен до 10 лет лишения свободы, в отношении же остальных пяти осужденных дело прекратили производством за недоказанностью обвинения. Вскоре их освободили, а иеромонах Тихон вышел на свободу 16 июня 1956 года¹³.

О последнем периоде жизни батюшки подробно говорится в недавно опубликованных воспоминаниях его духовного сына Алексея Петровича Соловьева, скончавшегося 8 декабря 1998 г.: «Мои сестры (одна из которых была тайная монахиня) неукоснительно исполняли завет отца не забывать Бога. Они меня привели к отцу Михаилу Рождественскому, они познакомили меня позднее и с отцом Тихоном (Зориным), когда он тайно появился в доме на Екатерининском канале (тогда – Грибоедова). Представьте себе длинный коридор, множество дверей, это означает и множество самых разных людей. Там и была одна небольшая двадцатиметровая комната, в которой жила Ксения Петровна (кажется, ее фамилия Савельева). Она и приняла отца Тихона после ссылки. Но это была жизнь, как на бочке с порохом: в центре города, на глазах у безбожных людей... Выходить из квартиры было просто небезопасно, поэтому батюшку одевали в платье и покрывали платком, если ему нужно было пройти в туалет. Все жильцы так и считали, что у Ксении Петровны временно проживает ее старенькая и хромая родственница.

Там, в доме на канале Грибоедова, я впервые исповедывался у отца Тихона... Скромный и ласковый, простой и очень доверчивый. Ну, прямо как ребенок. За это и страдал всю жизнь. Я бы, глядя на него, никогда не подумал, что этот человек прошел тюрьмы, ссылки, допросы и предательства...

Я встретился с отцом Тихоном только в 1964 году, когда он освободился уже и после второго ареста. Он сам мне рассказывал, как на допросах выясняли, «почему не хочешь признать патриарха Алексия, ведь признавал же его, когда тот был епископом? Почему не в храмах служишь, а по квартирам скитаешься?» Потом посадили в камеру-одиночку. Вскоре будто еще арестованного вводят. Тот представляется епископом Феодосием, конечно, за иосифлянина себя выдает. И добавляет: меня дня через два-три отпустят, так что и кому передать. И отец Тихон, не чувствуя никакого подвоха, дает ему все адреса, посылает к самым верным людям, пишет записку, чтоб ни в чем не отказывали, а доверялись бы как ему, о. Тихону... Конечно, это была ка-

¹³ АУФСБ СПб ЛО. П-89684. Т. 1. Л. 345–353.

тастрофа. Иуду-то скоро распознали, но урон был большой. Отец Тихон, как освободился, свою ошибку очень тяжело переживал. Ездил на юг к иосифлянскому епископу Петру на покаяние...

Когда я его встретил, он все еще скитался по домам и квартирам верующих людей. Это было ему уже очень тяжело и опасно, ведь последний раз его за это и судили. Да и потом у него не было разрешения жить в Питере. Вскоре мы все собрались и приняли решение собрать деньги, купить ему домик. Выбрали такой на станции Окуловка Новгородской области. С тех пор и поселился отец Тихон в Окуловке, на улице Чайковского, в доме № 5, то есть в самом конце деревни, откуда до станции надо было топать три километра. В основном это, конечно, заслуга Веры Михайловны Гурилевой. Она домик покупала, она его прописала, ухаживала за ним, как могла. У самой уже сил немного было, но она и те, последние, самоотверженно отдавала для сохранения маленькой нашей церковки и бесценного нашего духовника отца Тихона. Он мне писал в Питер письма и подписывался частенько так: «Ваши дедушка и бабушка». Это значит, он и Вера Михайловна. «Она чуть жива от переживаний и забот обо мне и трудится как истинная раба Христова...», — так он и писал о ней, так и при встрече мне говорил...

Я часто бывал у отца Тихона, два—три раза в месяц. Дом его был под неусыпной «стражей» соседки. Она, видимо, была назначена «органами» следить за ним, а также за всеми, кто приезжал. Но меня эта «охранница» считала почему-то племянником. И все же не хотелось лишней раз ей на глаза попадаться, потому я старался зайти в дом отца Тихона не с улицы, а со двора.

В доме о. Тихон сразу устроил маленькую катакомбную церковку: вся площадь церкви составляла шесть—семь квадратных метров, умещалось не более четырех молящихся. Тут же и кровать о. Тихона стояла. Прислуживала ему неизменно Вера Михайловна, ныне уже покойная.

Жилось им очень трудно. Воду носить нужно было от колонки, которая в полукилометре от дома. До бани три с половиной километра. Дрова надо самим и пилить, и колоть, и складывать. А они — два немощных старика, да еще у отца Тихона нога больная (ступни одной не было). Без «племянника» им было бы не обойтись.

Сколько писем ему шло! И редко в каком конверте была только одна исповедь. В иные дни о. Тихон и не выходил вовсе из своей церковки: чтение исповедей, разрешение их занимали все время. Просфоры он тоже делал сам. Потом каждую аккуратно заворачивал, завязывал, надписывал, кому предназначена. У него была толстенная

тетрадь, где были поименно записаны все его прихожане... Больше всего мы боялись за эту тетрадь: не дай Бог, в чужие руки попадет. Господь и тут помог.

Вот слово-то я сказал: прихожане. А ведь больше десятка человек в той церковке никогда и не было, но сотни в прихожанах числились. Все – заочно. Когда-то свел их Господь с батюшкой, так и были вместе с ним до гроба его, хотя никогда к нему не приезжали, а лишь в письмах исповеди посылали. В Окуловке все друг друга хорошо знали. Появление любого незнакомого человека – это целое событие и для всего села. И если бы духовные чада батюшки стали к нему регулярно ездить, то об этом стало бы известно в особых кабинетах почти мгновенно. Потому отец Тихон просил к нему приезжать только с его благословения. Да и вскоре стало ясно, что лучше всего это делать мне, так как за мной уже закрепилось звание «племянника».

Первые годы жизни в Окуловке он еще совершал поездки в Питер. Это было редко и секретно. Но власти постоянно к нам подсылали провокаторов. Притворившись жаждущими духовного окормления православными христианами, эти иуды все вынюхивали, а потом за копейки предавали батюшку. Однажды так просилась к нам женщина, слезами прямо изошла, батюшке ноги бросилась целовать. А на поверку вышло – провокаторша. Даже про торт, что батюшке принесла, в КГБ донесла...

С 1970 г. отец Тихон перестал бывать в городе. Безвыездно жил в Окуловке. Здоровье его стало заметно ухудшаться. Да и откуда ему быть хорошим: тюрьмы, ссылки, служение в холодных квартирах и на чердаках (в Коломягах), скитания по чужим квартирам под страхом ареста – все это телесного здоровья не прибавляет. Болел телом, но духом не падал.

Последнее письмо я получил от него в начале декабря 1975 года: «Земная храмина моя разрушается, – писал он, – а небесной я себе не приготовил...». Эти тихие его слова перевернули мне сердце. Я знал, что просто так он не напишет. Уже на другой день я приехал в Окуловку.

Отец Тихон был уже при смерти. Около его постели были монахи Серафим (откуда-то с юга, больше мы о нем ничего не знали), Вера Михайловна, потом подъехал отец Михаил Рождественский. С о. Михаилом наш батюшка паству не делил, вместе окормляли православных. В последних числах декабря он скончался. Отпевал его о. Михаил Рождественский...»¹⁴

¹⁴ «В моей жизни героического ничего не было...»: Рассказ Алексея Петровича Соловьева // Возвращение. 1999. № 12–13. С. 75–76.

Память немного подвела Алексея Петровича. После освобождения из лагеря отец Тихон ездил к схиепископу Петру (Ладыгину), проживавшему и скончавшемуся в удмуртском г. Глазове 19 февраля 1957 года. Сам батюшка умер 18/31 января 1976 г., его могила в Окуловке сохранилась и до сих пор посещается верующими.

HIEROMONK TIKHON (ZORIN)

BY M. SHKAROVSKIY

The article is about the life and service of hieromonk Tikhon (Zorin), who was one of the most active supporters of Metropolitan of Leningrad Joseph (Petrovyh). In the mid of the 1920s he co-celebrated the Metropolitan in the Cathedral of St Sophia in Novgorod, and then he became one of the brethren at Alexander-of-Neva Lavra. Prior to the closure of the Lavra Fr Tikhon was arrested and imprisoned. When the time of his imprisonment was over, he secretly served as a priest in the north-eastern part of Russia, he organized an underground house-chapel in the suburb of Leningrad. When German troops occupied Leningrad region, he left underground to establish a number of so-called "Joseph's" churches in the region of Volosovo, the ones which remembered at the Liturgy Metropolitan Joseph as their Patriarch. In 1943 he was driven to Latvia for forced labours. When he came back to Leningrad, again Fr Tikhon started to celebrate the Divine Liturgy in secret until he was arrested in 1950. When he got his liberty in the mid of the 1950s he went on with his underground serving as a priest in the village of Okulovo in Novgorod region till his death. Hieromonk Tikhon was one of the last adherents of Metropolitan of Leningrad Joseph (Petrovyh), his spiritual children still keep vivid memory of him.